

Научная статья

УДК 346.21, 347

DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.145.171

Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан

Наталья Евгеньевна Савенко

Юридический институт Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет), Россия 454080, Челябинск, просп. Ленина, 76, ne_amelina@mail.ru, <http://orchid.org/0000-0001-9689-0818>

Аннотация

На основе законодательства и доктрины исследуются во взаимосвязи категории «цифровая экономика», «legaltech», «экономическая деятельность граждан». Обосновывается вывод, что цифровая экономика — это система элементов, среди которых ключевыми являются цифровые технологии. Цифровые технологии именуются в зависимости от области применения в экономике, например, legaltech (правовые/юридические технологии), fintech (финансовые технологии) и др. Распространенным является понимание legaltech в качестве узкого инструментария юристов. Автор аргументирует расширительное толкование legaltech как многопланового явления в виде палитры цифровых сервисов в различных сферах для широкого круга субъектов экономической деятельности. Выявлены тенденции и риски, связанные с внедрением и использованием legaltech. Среди тенденций наблюдается замена юристов-профессионалов роботами. При этом появляются новые ниши, основанные на информационных технологиях. Очевиден потенциал развития машиночитаемого права при условии предварительного адаптирования правового понятийного аппарата. Возникает необходимость в создании норм «платформенного права» в целях правового регулирования экономической деятельности. Среди рисков при использовании инструментов legaltech следует выделить масштабное использование Big Data (Большие данные), провоцирующее вторжение в частную сферу граждан. Формулируется понятие legaltech как современного цифрового инструментального средства правового регулирования экономической деятельности, в том числе экономической деятельности граждан, опосредованного взаимоотношениями между субъектами и государственными (муниципальными) органами. В данном аспекте на основе классического понимания правовых средств в механизме правового регулирования, с точки зрения

инструментально-правового подхода, legaltech по отношению к субъектам экономической деятельности выступает как: ресурс для повышения правовой и информационной грамотности; фактор информационно-правового воздействия на выбор правового режима экономической деятельности; стимулятор исполнения договорных обязательств, налоговых обязанностей и в целом правомерного поведения; средство государственного контроля за деятельностью субъектов экономической деятельности.

Ключевые слова

legaltech, цифровая экономика, искусственный интеллект, большие данные, правовая грамотность, автоматизация регистрации и отчетности.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Савенко Н.Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 145–171. DOI:10.17323/2072-8166.2023.1.145.171.

Research article

Legaltech in Digital Economy and Legal Regulating Economic Activity of Citizens

Natalia E. Savenko

Law Institute, South Ural National Research State University, 76 Lenin Avenue, Chelyabinsk 454080, Russian Federation, ne_amelina@mail.ru, <http://orchid.org/0000-0001-9689-0818>

Abstract

In the paper on the basis of legislation and doctrine the categories of “digital economy”, “legaltech”, “economic activity of citizens” are studied. The conclusion that the digital economy is a system of elements, among which digital technology is the key. Digital technologies are named according to their application in the economy, for example, legaltech (legal/legal technology), fintech (financial technology), etc. It is common to understand legaltech as a narrow toolkit for lawyers. The author argues for an expansive interpretation of legaltech as a multidimensional phenomenon in the form of a palette of digital services in various areas for a wide range of subjects of economic activity. The trends and risks associated with the introduction and use of legaltech are identified. The trends include the replacement of legal professionals by robots. At the same time, new niches based on information technology are emerging. The potential for the development of machine-readable law is evident, provided that the legal conceptual apparatus is adapted in advance. There is a need to create norms of “platform law” for the purpose of legal regulation of economic activity. Among the risks in the use of legaltech tools

should be noted the large-scale use of Big Data, provoking the invasion of the private sphere of citizens. The concept of legaltech as a modern digital tool of legal regulation of economic activity, including economic activity of citizens, mediated by the relationship between entities and state (municipal) bodies is formulated. In this aspect, based on the classical understanding of legal means in the mechanism of legal regulation, from the perspective of the instrumental-legal approach legaltech in relation to the subjects of economic activity acts as: a resource for improving legal and information literacy; a factor of information and legal impact on the choice of the legal regime of economic activity; an incentive for the performance of contractual obligations, tax obligations and in general lawful behavior; a means of state control over the activities of subjects of economic activity.

Keywords

legaltech, digital economy, artificial intelligence, big data, legal literacy, automation of registration and reporting.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Savenko N.E. (2023) Legaltech in Digital Economy and Legal Regulating Economic Activity of Citizens. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1, pp. 145–171 (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.145.171.

Введение

Цифровая экономика, legaltech¹, развитие и трансформация видов экономической деятельности граждан — самостоятельные явления, однако все они взаимосвязаны и обладают новизной, экспериментальностью, неоднозначностью. Связующее звено между ними — цифровизация, основанная на искусственном интеллекте и больших данных.

Актуальность исследования заявленных категорий подтверждается Программой фундаментальных научных исследований в России на долгосрочный период (2021–2030 годы)². Приоритетные научные направления в области экономики связаны с «развитием гражданского общества и самоорганизацией граждан, направлены на ускорение инновационных процессов». В свою очередь, в юриспруденции в качестве приоритетных направлений исследований названы вопросы «трансформации парадигмы права в условиях цифровой экономики, развития робототехники, создания комфортной правовой среды для глобального технологического

¹ Legaltech в переводе с английского — «юридические / правовые технологии».

² Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы)» // СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 609.

лидерства России, дальнейшее развитие предпринимательского права». Сказанное демонстрирует, что любая сфера жизнедеятельности подвержена правовому регулированию, которое также облачается в цифровизированную форму. Экономика и право взаимосвязаны и в полной мере подвержены цифровизации. Поэтому legaltech, будучи выражением цифрового права, выступает и элементом цифровой экономики, и средством правового регулирования экономической деятельности, в том числе и экономической деятельности граждан.

1. Цифровая экономика: понятие и элементы

В общем понимании экономика — хозяйственная деятельность общества в системе производства, распределения и потребления³ материальных и нематериальных благ и ресурсов. Процессы глобализации отразились на экономике в виде распространения на ее систему трендов цифровизации. В результате наблюдается новое явление «цифровой экономики».

Понятие «цифровая экономика» отражено в Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы⁴. Согласно данному документу «цифровая экономика — это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг».

Стратегия определяет экосистему цифровой экономики как партнерство организаций, обеспечивающее взаимодействие технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, информационных систем государственных органов, юридических и физических лиц. Приведенные понятия позволяют выделить элементы цифровой экономики, в число которых входят как цифровые технологические продукты — объекты цифровой экономики, так и субъекты-участники экономических отношений, а также цифровые средства правового регулирования экономических отношений. Направления развития Цифровой экономики охватывают многочисленные национальные программы и стратегии. Например, в качестве целей и результатов реализации Стратегии на-

---

³ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.05.2022)

⁴ Указ Президента от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

учно-технического развития РФ 2016 г.⁵ указаны «повышение качества жизни населения на основе передовых научных исследований; технологическое обновление традиционных отраслей экономики».

Цифровая экономика опосредована цифровой трансформацией, которая является главным трендом и вызовом в развитии социально-экономических, правовых процессов. Поэтому в рамках цифровой трансформации экономики приняты плановые документы: Государственная программа «Информационное общество»⁶, Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы⁷. В числе первостепенных задач данных программ названы создание условий для достойного труда и предпринимательства, цифровой трансформации, в результате достижения которых должна быть достигнута «цифровая зрелость» ключевых отраслей экономики и социальной сферы.

В развитие названных законодательных решений издан Указ Президента России от 07.05.2018 №204⁸, в котором обозначены цели развития страны: прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие. Для достижения названных целей, а также в рамках Программы «Цифровое общество» в 2019 г. принята Национальная программа «Цифровая экономика»⁹. Данный стратегический акт призван сформировать новую регуляторную среду отношений граждан, бизнеса и государства в русле развития цифровой экономики.

Приведенный далеко не полный перечень нормативных правовых актов свидетельствует, что государство придает принципиально значимый смысл трансформации экономики в цифровую форму. Цифровая трансформация охватывает все сферы жизнедеятельности: финансовые технологии, стандартизация, гражданский оборот, судопроизводство, нотариат и др. Процессы цифровизации продиктованы влиянием глобализации. Отсюда и интерес к цифровой экономике и в доктрине.

---

⁵ Указ Президента от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (ред. от 15.03.2021) // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

⁶ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 24.11.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.

⁷ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС Консультант Плюс.

Ученые отмечают, что цифровая экономика — это одна из актуальных тем обсуждения в современной науке. При этом указывается, что «несмотря на принимаемые государством решения о развитии цифровизации, активизации деятельности... четкой концепции развития права в условиях цифровой экономики пока не создано. Основной проблемой становится определение пути дальнейшего развития права» [Серова О.А., 2019: 122]. Право не успевает за развитием цифровизации. По замечанию С.И. Носова, «влияние развития цифровых технологий на правовую систему, равно как и способы и направления трансформации права ... остается мало изученным юридической наукой» [Носов С.И., 2019: 10].

Как отмечает З.М. Казачкова, «становление и развитие цифровой экономики является центральным звеном цифровой трансформации» [Казачкова З.М. и др., 2021: 130–131]. В свете сказанного исследование цифровой трансформации экономики и права как регулятора актуально и необходимо.

Между тем в доктрине нет однозначного понятия цифровой экономики. Например, Ю.А. Тихомиров и Э.В. Талапина называют цифровую экономику «экономикой данных» [Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В., 2020: 22]. Более широкое понятие предлагает В.А. Вайпан, говоря о цифровой экономике как о «системе экономических отношений, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах» [Вайпан В.А., 2019: 19]. Данное высказывание поддерживает М.Н. Семякин [Семякин М.Н., 2020: 100].

Вместе с тем в доктрине имеются критические высказывания о цифровой экономике и ее сущности. Так, А.Ю. Быков отмечает, что «в настоящее время происходит подмена понятий. Цифровой экономикой называют применение цифровых технологий. Это заблуждение. Любой суперкомпьютер, даже квантовый компьютер ничем не отличается от известного из XX века инструмента — счетов с деревянными костяшками, просто скорость вычислений у него на порядки выше. К экономике он не имеет отношения. Цифровую экономику может создать исключительно экономическая наука с помощью экономических инструментов» [Быков А.Ю., 2021: 5]. Однако с приведенным мнением трудно полностью согласиться. Если исходить из классического понимания экономики как хозяйственной деятельности субъектов по производству, обмену, реализации материальных благ, то применительно к цифровой экономике все названные процессы и объекты приобретают цифровизированный формат. В таком случае «суперкомпьютер» будет инструментом цифровой экономики наряду с традиционными экономическими инструментами, например, человеческим неавтоматизированным трудом (в физическом, материальном смысле); «суперкомпьютер» будет способствовать и эффективности эко-

номических процессов. Поэтому цифровые (электронные) инструменты и ресурсы имеют непосредственное отношение к экономике.

В обозначенном ракурсе справедливо мнение, что «цифровая экономика — это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность»¹⁰. Действительно, в буквальное толкование термина «цифровой» (как основанного на информации в числах; двоичной информации, выводимой из компьютера или терминала¹¹), имеющего синонимы «безбумажный», «числовой»¹², вполне укладывается понимание «цифрового» явления в качестве «виртуального». Следовательно, «цифровая экономика» характеризуется цифровой (числовой, виртуальной) формой ее элементов, которая, в свою очередь, выражается в технологиях.

Также выработан взгляд на уровни цифровой экономики. Например, В.А. Вайпан выделяет три уровня формирования цифровой экономики, «которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом: рынки и отрасли экономики; платформы и технологии; среда для развития платформ и технологий, в том числе нормативное регулирование, информационная безопасность» [Вайпан В.А., 2019: 19]. Иначе говоря, в системном понимании цифровая экономика состоит из элементов, одним из которых является совокупность цифровых технологий.

Исходя из законодательной дефиниции цифровой экономики и широты доктринальных мнений о данном явлении, есть основания полагать, что цифровая экономика — хозяйственная деятельность субъектов с использованием цифровых (электронных, виртуальных) способов и средств (технологий) производства, обмена, потребления, реализации материальных и нематериальных (в том числе цифровых) объектов и ресурсов на основе цифровых данных (информации) и в цифровом пространстве (цифровые электронные платформы, сервисы), с помощью цифровых средств правового регулирования экономических отношений. Таким образом, цифровая экономика — система элементов, среди которых ключевыми являются цифровые технологии. В их число входит и legaltech.

2. Legaltech: понятие, сферы применения, функции. Legaltech как элемент цифровой экономики

Цифровые технологии часто именуется в зависимости от области их применения в экономике, например, legaltech (правовые / законные /

¹⁰ URL: <https://ria.ru/20170616/1496663946.html> (дата обращения: 08.09.2022)

¹¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/264410> (дата обращения: 08.09.2022)

¹² URL: <https://sinonim.org/s/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B> (дата обращения: 08.09.2022)

юридические технологии), fintech (финансовые технологии), govtech (технологии в сфере государственного и муниципального управления), medtech (медицинские технологии), fudtech (пищевые технологии) и т.д. [Рожкова М.А., Исаева О.В. и др., 2021: 13, 202–300]. Как отмечают отечественные ученые, «цифровизация и новые информационные технологии побуждают преобразовывать характер деятельности субъектов права, менять объем их правоотношений, расширяют горизонт будущей деятельности» [Тихомиров Ю.А. и др., 2021: 20]. Иными словами, право, трансформируясь в «цифру», выражается в технологиях legaltech.

В отсутствие признанного понятия legaltech данное явление нуждается в исследовании как с практической, так и теоретической стороны. Термин legaltech следует понимать как законные (правовые) технологии. Некоторые ученые акцентируют внимание на параллельном существовании понятий legaltech и lawtech [Рожкова М.А., Исаева О.В. и др., 2021: 202]. Однако мы не склонны выделять различий между ними, поскольку legal (англ. — законный) и law (англ. — закон)¹³ подразумевают одно и тоже значение ввиду единого смыслового корня.

В первую очередь legaltech принято считать узкоспециализированным профессиональным инструментарием юристов. Данная позиция широко разделяется юристами-практиками¹⁴. В указанном случае legaltech выражается в форме таких инструментов, как электронные сервисы подбора судебной практики¹⁵, составления договоров¹⁶, калькулятор госпошлины, неустоек¹⁷, сервис «Мой арбитр»¹⁸, а также некоторые специализированные платформы для юристов¹⁹.

Одновременно с указанной позицией отмечается, что legaltech представляет собой в принципе широкий круг технологических решений, служащий различным субъектам²⁰. Автор настоящей статьи также придержи-

¹³ URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 11.05.2022)

¹⁴ URL: <https://law.hse.ru/news/440214063.html> (дата обращения: 08.09.2022); URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/vadim-polulyakh-my-lyudi-ot-nauki-v-legaltech/> (дата обращения: 08.09.2022)

¹⁵ URL: <https://pravo.ru/edition/view/74817/> (дата обращения: 29.05.2022); URL: <https://garant-vrn.ru/sutyazhnik/> (дата обращения: 29.05.2022)

¹⁶ URL: <https://vc.ru/services/249199-sem-poleznyh-servisov-dlya-raboty-s-dogovorami> (дата обращения: 29.05.2022)

¹⁷ URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 29.05.2022); URL: https://dogovor-urist.ru/calculator/dogovor_neustoyka/ (дата обращения: 29.05.2022)

¹⁸ URL: <https://my.arbitr.ru/#index> (дата обращения: 29.05.2022)

¹⁹ URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/poleznye-programmy-dlya-yuristov-v-rossii/> (дата обращения: 30.05.2022)

²⁰ URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60acbddd69a79475b37ee5e63> (дата обращения: 08.09.2022)

вается расширительного толкования legaltech как совокупности цифровых инструментов широкого круга пользователей, в том числе для граждан и юридических лиц, государственных органов, которые представлены такими электронными ресурсами как: электронные сервисы «Мой налог»²¹ для регистрации и отчетности налогоплательщиков, «Мой бизнес»²² с информацией о различных правовых и налоговых режимах экономической деятельности (например, в форме юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, самозанятых лиц, субъектов профессиональной деятельности), сервисы для проверки контрагентов²³, сайты различных судов²⁴ с общей правовой информацией. Поэтому с практической стороны legaltech следует понимать широко — как элемент цифровой экономики, способствующий реализации интересов широкого круга субъектов, а также как средство правового регулирования экономической деятельности.

Степени научной разработанности категории legaltech недостаточна. В доктрине не сложилось единого мнения о legaltech. Первая позиция заключается в том, что legaltech — это специализированная правовая сфера цифровых инструментов. Большая часть исследователей склонна узко рассматривать legaltech — как цифровые технологии профессиональных юристов. М.А. Рожкова и О.В. Исаева определяют legaltech «как сервисы на базе информационных систем, разнообразные платформы (B2B), программы, продукты и инструменты, специально разработанные для упрощения и оптимизации процессов, составляющих профессиональную деятельность юристов» [Рожкова М.А., Исаева О.В., 2021: 203]. Аналогичного мнения придерживаются С.Ф. Афанасьев, говорящий о legaltech как энергично развивающейся особой области в технологическом сопровождении юридической деятельности [Афанасьев С.Ф., 2020: 47], а также А.Н. Митин, называющий legaltech «новой отраслью бизнеса, специализирующейся на информационно-технологическом обслуживании профессиональной юридической деятельности» [Митин А.Н., 2019: 82]. В свою очередь, М.Е. Косов формулирует несколько значений legaltech: «юридические технологии для юристов» и «концепция использования технологии для решения правовых проблем» [Косов М.Е., 2019: 19].

Зарубежные ученые также выражают мнения о приверженности legaltech к узкой сфере юриспруденции [Ambrogi R., 2017: 28–31]; [Alcantar K., Gillespie K., 2019: 48–51].

²¹ URL: <https://npd.nalog.ru/app/> (дата обращения: 30.05.2022)

²² URL: <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/> (дата обращения: 30.05.2022)

²³ URL: <https://egrul.nalog.ru/>; URL: <https://www.kartoteka.ru/> (дата обращения: 30.05.2022)

²⁴ URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 08.09.2022), сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://supcourt.ru/> (дата обращения: 08.09.2022)

Однако при оценке legaltech в узком значении не стоит забывать, что в качестве потребителей юридических услуг и продуктов выступает широкий круг субъектов экономических отношений. С этой точки зрения legaltech непосредственно затрагивает интересы не только юристов-профессионалов, но и тех, которые зависят от работы последних. На основе анализа доктринальных позиций и применения legaltech в узкопрофессиональной деятельности юристов, допустимо выделить несколько тенденций и рисков в названной области.

Основой legaltech является искусственный интеллект, заменяющий человека. Среди ученых есть опасения, что технологии legaltech могут со временем заменить юристов-людей [Уваров А.А., 2020: 10]. Однако имеется и иное мнение. Например, А.Н. Митин уверен, что невозможно автоматизировать всю работу юриста, поэтому «творческая работа юристов будет востребованной пока существует человеческая цивилизация» [Митин А.Н., 2019: 85], с чем мы полностью согласны.

Тенденция к замене юриста роботом имеет место, но необходимо понимать возможности, условия и доступность использования цифровых технологий и сервисов субъектами правоотношений. Цифровые технологии, в том числе и legaltech могут служить только в качестве инструментов реализации поставленных задач. Кроме того, на общем плане замены человека искусственным интеллектом есть проблема морально-этического характера: у индивида появляются ощущение профессиональной ненужности, психологический стресс как следствие вынужденной переквалификации.

Одновременно с указанным аспектом выявляется потребность в новых специалистах для разработки и обслуживания цифровых продуктов в сфере legaltech. В свете сказанного актуальны положения отчета Аналитического центра НАФИ об исследовании «Legal Tech 3.0 Рынок Legal Tech в России и в мире» о перспективах трансформации юридических профессий: востребованными становятся такие специалисты, как юридический архитектор и юрист-инженер, цифровые проводники, адвокат робота, преподаватели курсов переквалификации и др.²⁵.

Д. Макгиннис и Р. Пирс доказывают, что искусственный интеллект будет способствовать «ослаблению рыночной власти юристов». Это означает, что «юристы будут не в состоянии предотвратить использование его неюристами для оказания юридических услуг». Искусственный интеллект «приведет к разрушению монополии юристов, принесет тем самым выгоды потребителям и обществу, поскольку юридические услуги

---

²⁵ URL: <https://nafii.ru/projects/predprinimatelstvo/legaltech-3-0-rynok-legaltech-v-rossii-i-v-mire/> (дата обращения: 18.05.2022)

станут более прозрачными и доступными, как и правосудие в целом» [Макгиннис Д., Пирс Р., 2019: 1230–1231]. Подтверждением сказанного является, например, электронная платформа legaltech — сервис «Сколково», которая призвана указать предпринимателям на положения в договорах, обладающие признаками различных рисков²⁶.

В целом роботизация как одно из проявлений цифровизации лежит в основе legaltech и несет с собой риски трансформации отдельных видов экономической деятельности граждан, в частности, профессиональных юристов.

Выдвинуты сугубо доктринальные трактовки legaltech, основанные на категориях «информационное право», «машиночитаемое право», «право цифровой трансформации». Так, С.Г. Еремеев и его соавторы рассматривают legaltech как научное юридическое направление — «право цифровой трансформации», как подотрасль информационного права. В качестве юридического концепта legaltech авторы указывают информационное право, а также связь человека с техникой и объективную неизбежную реакцию системы права на технологические изменения [Еремеев С.Г., Майоров А.В., Минченков Е.Н., 2019: 11, 13–14, 16]. Соглашаясь с ними, следует отметить, что развитие и трансформация институтов непременно нуждается в осмыслении с точки зрения юриспруденции. С научной точки зрения «машиночитаемое право» как явление, основанное на информации в цифровой форме, как выражение legaltech имеет несомненные перспективы. Более того, перспективы опосредованы неоднозначностью содержательного наполнения самого явления legaltech. Все это создает благодатную почву для научных размышлений.

И.В. Понкин рассматривает категорию «машиночитаемое право» в качестве направления цифровых трансформаций в праве, составной части цифровых трансформаций в государственном управлении, а также элемента регуляторных технологий legaltech. Исследователь не раскрывает понятия legaltech, но характеризует его составные части, в том числе «машиночитаемое право» — «законодательство как код» и «нормативное регулирование как код». Отмечается, что цель данного направления заключается в том, «чтобы законы могли прочитываться и применяться машинами» [Понкин И.В., 2021: 231–232, 235]. Стоит согласиться с автором в том, что предпосылки для развития цифровых технологий в направлении «машиночитаемое право» как часть legaltech (правовые технологии) имеются. При этом следует разделять «законы в коде» для чтения машинами от законов, требующих субъективной оценки юрис-

---

²⁶ URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-02-01_servis_rezidenta_skolkovo (дата обращения: 27.05.2022)

та-профессионала. Поэтому можно считать «машиночитаемое право» инструментом *legaltech*.

А. Пронин, говоря о перспективах *legaltech*, выдвигает смелые прогнозы: «с внедрением технологий автоматизации на блокчейн-платформах можно будет разрабатывать смарт-законы, или самоисполняемые законы (по аналогии со смарт-контрактами)». В качестве примера преобразования закона в цифровой код он приводит сферу «автоматической выписки штрафов с камер видеонаблюдения». Однако полагаем, что данный пример не является «смарт-законом» в смысле цифрового (электронного) законодательства. Это, скорее всего, «смарт-правоприменение» — автоматическое применение нормы права в целях реализации мер ответственности за нарушение установленных правил.

Также указывается на довольно эффективную меру использования искусственного интеллекта в сфере законотворчества — обнаружение коллизий в законах [Пронин А., Вашкевич А. и др., 2017: 25]. Такое применение *legaltech* вполне оправдано, поскольку полностью соответствует критериям эффективности цифровой экономики.

Важно, что разработана Концепция развития технологий машиночитаемого права²⁷ (далее — Концепция), в которой обосновывается актуальность развития машиночитаемого права: повышение удобства его правоприменения государством, предпринимательским сообществом и гражданами. В Концепции отмечается российский опыт применения машиночитаемого права в различных бизнес-проектах в качестве таких сервисов как «робот-юрист» (Департамент «Сбербанка»), «Цифровой юрист» (компания «Мегафон»); платформа «Нормотворчество» для реализации взаимодействия участников нормотворческого процесса в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» программы «Цифровая экономика». В Концепции также обозначены сферы применения: стандартизация и сертификация, сделки в машиночитаемом формате, контрольная (надзорная) деятельность, отчетность, судопроизводство и производство по административным делам, нормотворчество, взаимодействие государственных информационных систем с цифровыми платформами.

Очевидно, что Концепция является инструментом *legaltech* и направлена на развитие цифровой экономики. Однако до масштабного применения машиночитаемого права на уровне российского государства время еще не наступило в силу объективных социально-экономических,

---

²⁷ Концепция развития технологий машиночитаемого права (утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // СПС КонсультантПлюс.

правовых и технологических причин (наличие/отсутствие возможности использования цифровых продуктов у различных субъектов права, менталитет граждан). Одной из главных правовых причин является присутствующий праву консерватизм. Это объясняется «периодическим отступлением норм права от законов формальной логики». Поэтому «сначала потребуются изменить право таким образом, чтобы его термины имели одинаковое содержание во всех законах. Титаническая задача!» [Митин А.Н., 2019: 83]. Кроме того, «многие наши законы не носят предписывающего характера, а требуют субъективного взгляда и нюансов, учета различных обстоятельств дела» [Понкин И.В., 2021: 235]. Вышесказанное свидетельствует, с одной стороны, о потенциале развития машиночитаемого права, а, с другой стороны, о проблемах его внедрения. В контексте перспективы развития legaltech для автоматизации нормотворчества рационально предложение Д.С. Гвоздецкого о «плановом внедрении цифровых продуктов» в нормотворческую деятельность государства [Гвоздецкий Д.С., 2020: 34–35]. Постепенное внедрение таких технологий в данную область должно преследовать адаптационную цель для всех участников нормотворческих и правоприменительных процессов. В конечном счете «плановость» должна повлиять на действенность цифровизированных мер.

Таким образом, использование инструментов legaltech, предназначенных для профессиональных юристов, безусловно, позволяет оптимизировать рутинные рабочие процессы, систематизировать правовую информацию, облегчить анализ судебной практики. Одновременно с положительными аспектами использования legaltech возникают трудности переквалификации юристов-профессионалов и потенциальные риски замены юристов искусственным интеллектом.

Вторая позиция понимания legaltech: legaltech — это цифровые правовые инструменты широкого круга пользователей. Правовое регулирование практически всех сфер экономики подверглось цифровизации. Взяв за основу отраслевой критерий экономической деятельности, видишь, что в любой сфере создаются правовые цифровые инструменты — legaltech, которыми пользуются как исполнители (профессионалы-юристы), так и потребители, государственные структуры. Например, legaltech в сфере государственного управления предлагает такие электронные сервисы: «Мой налог», автоматизирующий регистрацию и сдачу отчетности субъектов экономической деятельности; «Мой бизнес», позволяющий субъектам не только получить правовую информацию, но и воспользоваться мерами государственной / муниципальной поддержки.

Также возможно причислить к сервисам legaltech следующие автоматизированные ресурсы: сервисы автоматизированного мониторинга и фиксации правонарушений в сфере правил дорожного движения и

оформления документов по данным фактам для дальнейшего назначения административных наказаний; «Электронное Правительство» для целей межведомственного взаимодействия государственных органов; «Госуслуги» для целей заказа и получения электронных справок гражданам и юридическим лицам, получения различных государственных и муниципальных услуг.

Широко обсуждается и перспектива внедрения инструментов *legaltech* в сферу правосудия: это автоматизация принятия судебных решений и их оформление в документальном виде. Сейчас применение электронных сервисов в судопроизводстве предусмотрено на законодательном уровне в виде возможности онлайн-заседаний, подачи в цифровом формате в суды и арбитраж исковых заявлений. Автор поддерживает позицию В.Ю. Абрамова: «электронное правосудие является одним из направлений цифровых технологий, применяемых в системе государственных функций по осуществлению судебного правопорядка... оно представлено системами ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», «Банк решений арбитражных судов» [Абрамов В.Ю., 2022: 40–41]. По сути перечисленные сервисы являются инструментами *legaltech*, предназначенными сугубо для профессионалов-юристов. Однако указанными сервисами вполне может воспользоваться любой субъект, заинтересованный в реализации права на судебную защиту путем подачи исковых заявлений в электронном виде, участия в онлайн-заседаниях, осуществления контроля за движением судебного дела и др. Поэтому в данной сфере использование *legaltech* затрагивает интересы широкого круга субъектов.

Сфера нотариата также подверглась цифровизации, а значит и внедрению инструментов *legaltech*. Ныне довольно широко применяются электронные услуги нотариусов в виде электронной подачи документов от сторон сделки на государственную регистрацию перехода прав на недвижимое имущество в Росреестр или документов о корпоративных сделках по распоряжению долями уставного капитала хозяйственных обществ в налоговые органы.

Российские специалисты отмечают «неочевидный тренд» использования *legaltech*, который спровоцирован «ростом отдельных сегментов теневого рынка, например, рынка контрафакта, что приводит к появлению инструментов для отслеживания подделок на разных этапах цепочки поставок»²⁸.

Помимо сервиса «Налог.ру» (сайт ИФНС) и «Мой арбитр» (сайты арбитражных судов), в цифровом формате доступны сервисы общего

---

²⁸ URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60acbddd69a79475b37ee5e63> (дата обращения: 08.05.2022)

доступа к информации о субъектах экономической деятельности, посредством которых можно удостовериться в правовом статусе субъекта (получить информацию о создании, реорганизации, ликвидации, лицензиях, нахождении в стадии банкротства, о судебных спорах и другие важные сведения). Информированность участников экономической деятельности о правовом статусе предполагаемых контрагентов создает гарантии добросовестности, добропорядочной репутации этих субъектов, а также гарантии защиты от неблагоприятных событий в процессе взаимодействия с ними (например, информированность о банкротном состоянии субъекта может повлечь отказ контрагента от заключения договора по распоряжению имуществом, поскольку в силу закона сделки должника могут быть оспорены его кредиторами).

В сфере бизнеса при регулировании договорных обязательств обращает на себя внимание использование юридической конструкции смарт-контракта. Смарт-контракт как продукт цифровизации и технологий обладает неоднозначной правовой природой, которая позволяет представить его одновременно как разновидность электронного договора, отдельную форму сделки (договора) и способ исполнения обязательства. Также смарт-контракт называют «одной из распространенных технологий Legaltech... Смарт-контракт подпадает под понятие программы для ЭВМ в силу п. 1 ст. 1225 ГК РФ...» [Минбалеев А.В. и др., 2022: 37]. Поэтому делается вывод, что смарт-контракт — это компьютерная программа. Схожей позиции придерживается А. Вашкевич, который отмечает, что «смарт-контракты в частных отношениях» также представляют собой инструменты legaltech. «Бизнесу нужна автоматизация правоотношений — чтобы меньше зависеть от воли сторон... Потенциал смарт-контрактов, работающих в реальной экономике, во многом заключается в их связке с Интернетом вещей, внешними информационными системами» [Пронин А., Вашкевич А. и др., 2017: 29]. Из палитры мнений относительно смарт-контракта следует, что смарт-контракт — это инструмент legaltech широкого назначения, призванный служить повышению эффективности исполнения договорных обязательств участников экономических отношений.

Элементами цифровой экономики являются цифровые сервисы и платформы. Они широко применяются в различных видах экономической деятельности, особенно в предпринимательской. «О цифровых платформах все чаще говорят как о рынке — то есть о месте встречи двух и более физических или юридических лиц с целью осуществления того или иного обмена ценностями в той или иной форме... Самые известные современные платформы пришли из сферы B2C-контрактов, из сферы услуг. Данное направление является одновременно интересным и

очень сложным с точки зрения законодательной базы». Оно развивает направление «платформенного права», которое «имеет огромное социальное значение и позволит существенно повысить экономический потенциал нашего государства...» [Алтухов А. В., Кашкин С. Ю., 2021: 89, 93]. Бесспорно, что любое новое явление с течением времени должно находить отражение в праве для стабилизации экономических отношений. Отсутствие правовой определенности снижает эффективность правового регулирования экономических отношений.

В зарубежной литературе также имеются примеры расширительного понимания legaltech. Профессор Маттиас Шнайдер (Германия) называет legaltech «оцифрованными юридическими услугами, возможность и вызов для государственного и частного секторов». Автор приводит примеры использования legaltech в административном, процессуальном, экологическом праве [Schneider M., 2020: 297–302]. Исследования также проводятся в США (о применении цифровых юридических технологий в сфере недвижимости) [Byrne M., 2019] и в Индии [Shah H., Srivastava A., 2014: 208–230]. Все это является подтверждением широкого применения технологий legaltech.

Вместе с тем применение инструментов legaltech, в том числе и цифровых платформ влечет использование, обработку и хранение большого объема данных о их пользователях (так называемые Большие данные; Big Data). Легального понятия Big Data до настоящего времени нет, что не мешает его использованию в теоретических и практических исследованиях в понимании как большого массива различной информации. Мы разделяем мнение В.В. Чуракова, который доказывает, что Big Data «обеспечивают возможность объяснения существующих явлений и дачи прогноза поведения в области права»; их необходимо отличать от статистические данных; Big Data нуждаются в легальном определении [Чураков В.Д., 2020: 101–102].

Однако при всей привлекательности использования инструментов legaltech (информационные правовые системы, автоматизированное начисление штрафов, банки информации, электронный документооборот, цифровые платформы и др.), основанных на Big Data, существуют и потенциальные риски для субъектов права. Например, О.А. Степанов в исследовании, посвященном правовым проблемам в цифровой среде, отмечает, что «расширяющиеся компьютерные базы персональных данных... создают угрозу негласного вторжения в частную жизнь человека». Цифровой профиль гражданина позволяет аккумулировать многочисленную информацию о размерах и источниках доходов, работе, налоговых поступлениях, посещенных информационных ресурсах («цифровые следы», «сетевое поведение»). «Предполагается, что массив информации

смогут использовать не только госструктуры, но и частные компании²⁹. Становятся прозрачными не только финансовые потоки, но и жизнь людей» [Степанов О.А., 2021: 24, 25].

Действительно, указанные общественные отношения порождают риски: утечки данных, информационные атаки. Однако остановить развитие цифровых технологий скорее всего не получится. Вероятно, в целях безопасности субъектов следует более четко регламентировать и контролировать процедуры использования Big Data.

Проблему правового регулирования Big Data и безопасности их использования в контексте развития искусственного интеллекта поднимают Ю.С. Харитонов и В.С. Савина. Ученые обращают внимание на том, что использование Big Data «порождает целый комплекс правовых и этических вопросов, в частности о границах использования персональных данных» [Харитонов Ю.С., Савина В.С., 2020: 539]. В свете сказанного полагаем, что с позиции цифровой экономики цифровая безопасность, в том числе и ресурсов legaltech влияет непосредственно на активность субъектов экономической деятельности в потребительской сфере, бизнес-среде, в области государственного управления. Цифровая незащищенность приводит к спаду полезности использования цифровых ресурсов и технологий.

Зарубежные авторы также рассматривают указанную проблему. Например, авторы из США доказательно указывают на необходимость соблюдения требований при использовании Big Data в сфере оказания юридических и иных услуг с использованием инструментов legaltech [Davis J., 2016: 1]; на необходимость соблюдения юридической этики в сфере рекламы с использованием большого объема сведений по отношению к потребителям [Katsuya Endo S., 2021: 107–157]; аналогичную позицию занимает автор из Испании [Navas S., 2019: 79–103].

Изложенное позволяет выделить следующие особенности legaltech:

В доктрине и практике распространилось понимание legaltech как узкого профессионального набора цифровых средств юристов-практиков. В данном направлении выявлены следующие тенденции, сопровождающиеся рисками: замена юристов-профессионалов искусственным интеллектом и трансформация некоторых видов деятельности; необходимость инвентаризации понятийного правового аппарата в свете развития «машиночитаемого права» (при этом невозможно игнорировать консерватизм права и субъективизм при правоприменении);

---

²⁹ Подробнее см.: Пилотный проект о цифровом профиле гражданина (эксперимент сроком действия до 31.12.2022) . Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 (ред. от 17.08.2021) «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2963.

Legaltech также понимают как цифровой инструментарий широкого круга участников экономических отношений. Сферами его применения являются государственное управление, правосудие, нотариат, сфера бизнеса и обычного гражданского оборота. Очевидна необходимость в формировании «платформенного права». Использование Bid Data показывает цифровую незащищенность субъектов.

В целом legaltech в широком значении — это элемент цифровой экономики, способствующий реализации национальных стратегических целей и задач, программ развития.

3. Legaltech как инструмент правового регулирования экономической деятельности граждан

У права колоссальный потенциал для внедрения инструментов цифровизации. Как показано выше, с позиции цифровизации legaltech — цифровой технологический инструментарий, используемый широким кругом субъектов. Основываясь на этом понимании legaltech, целесообразно также рассматривать его в качестве средства правового регулирования экономической деятельности субъектов.

Общеизвестно, что «правовое регулирование — это осуществляемое при помощи системы правовых средств нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями». К числу правовых средств С.С. Алексеев относил юридические нормы; правовые отношения; субъективные права и юридические обязанности; акты реализации прав и обязанностей» [Алексеев С.С., 1995: 209–216].

Исходя из общепризнанного понимания правового регулирования общественных отношений, legaltech следует рассматривать как одно из правовых средств в механизме правового регулирования, осложненного цифровизацией. Legaltech видится как цифровизированная форма юридических норм, правовых отношений и актов реализации прав и обязанностей. Они, в свою очередь, оказывают правовое воздействие на общественные отношения. Рассмотрим воздействие legaltech на сферу экономической деятельности граждан.

Экономическая деятельность — широкое понятие, имеющее первоначальное правовое закрепление в Конституции Российской Федерации³⁰ (далее — Конституция). По ст. 34 Конституции «каждый имеет право на

---

³⁰ Конституция России (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020)

свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной экономической деятельности». «Экономические права — составная часть правового статуса гражданина как субъекта экономической, предпринимательской деятельности, а также и иных субъектов экономической деятельности» [Губин Е.П., 2021: 4].

Экономическая деятельность граждан выражается в таких формах, как трудовая деятельность, предпринимательская деятельность, профессиональная деятельность, а также с недавних пор и деятельность в форме самозанятости в понимании специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»³¹.

Напомним, что согласно программам и стратегиям развития России первостепенными задачами названы создание условий для достойного труда и успешного предпринимательства, включая обеспечение благоприятных условий деятельности самозанятых граждан, развитие цифровой трансформации. Все это непременно образом касается сфер гражданского оборота, финансовых технологий, судопроизводства. В названном контексте стоит подчеркнуть, что «экономическая сфера является в обществе важнейшей и требует использования различных способов воздействия. Среди них — механизм правового регулирования, означающий формирование высокого правового сознания участников экономической деятельности, их статусов и режимов взаимодействия, а также использование средств стимулирования и ответственности» [Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В., 2021: 6].

Для правового регулирования деятельности субъектов экономических отношений также необходимы правовые механизмы, трансформированные в цифровую форму. Поэтому legaltech в данном случае является элементом правового регулирования экономических отношений. По сообщению «Российской газеты», налоговые органы лидируют в государственном секторе по внедрению legaltech, «не только бизнес, но и государство стремится к повышению качества юридических услуг и активно участвует в их цифровизации и автоматизации... Российские государственные органы становятся движущей силой развития юридических технологий в стране»³². Безусловно, диапазон распространения

---

³¹ Самозанятые физические лица — это лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, а также имеющие статус индивидуальных предпринимателей, получающие совокупный годовой доход не более 2,4 млн. руб. от некоторых видов деятельности (Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

³² URL: <https://rg.ru/2020/10/09/fns-lidiruet-v-gossektore-rf-po-vnedreniiu-legaltech.html> (дата обращения: 13.04.2022)

legaltech в цифровой экономике широк. Полагаем, что в контексте правового регулирования экономической деятельности граждан он имеет вид цифровых информационных ресурсов — сайт ИФНС, платформа «Мой бизнес», электронное приложение «Мой налог» и др.

С позиции теории средств (методов) правового регулирования (воздействие, дозволение, обязывание, запреты), а также с инструментально-правовой и функциональной позиций возможно выделить особые функции legaltech. Legaltech воздействует на граждан путем предоставления большого объема правовой информации в цифровом (электронном) виде. Это выражается в следующих аспектах.

Прежде всего legaltech как информационный ресурс служит повышению правовой грамотности граждан. В данном случае важна общая цифровая грамотность населения (в том числе информационная, компьютерная, медиа-грамотность), которая оценивается как «важный фактор достижения жизненных целей, повышения качества жизни людей, что в конечном счете отражается на цифровой экономике» [Баймуратова Л.Р., Долгова О.А. и др., 2018: 5–6]. Повышение правовой грамотности граждан в цифровом выражении способствует повышению эффективности их деятельности.

Legaltech воздействует на физических лиц при выборе ими правового режима экономической деятельности: индивидуальный предприниматель, субъект профессиональной деятельности, самозанятый гражданин (в рамках специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»), работник. Данный выбор формируется посредством предоставления legaltech правовой информации: перечень нормативных правовых актов, устанавливающих виды, формы и сферы экономической деятельности граждан, условия ее осуществления.

Legaltech осуществляет воздействие посредством стимулирования исполнения конституционной обязанности уплаты налогов с доходов. Применительно к этому аспекту Л.Н. Берг напоминает, что «информация движет миром, направляет поведение людей. Особенное влияние на общество имеет исходящая от государственных органов власти и управления социальная разновидность информации — политическая и правовая информация». Ученый доказывает, что правовая информация оказывает правовое воздействие на субъектов. «Значение и роль правового воздействия ярко проявляются именно в том, что правовая информация, например, заключенная в тексте правовой нормы, будучи доведенной до сознания личности, становится действенной силой, направляя и упорядочивая поведение субъекта» [Берг Л.Н., 2021: 212, 213].

Сказанное более чем актуально и применимо к экономической деятельности граждан в узком понимании самозанятости в рамках нало-

гового режима «Налог на профессиональный доход». Повышенное внимание к данной категории граждан обосновывается тем, что они долгое время образовывали теневой сектор экономики, так как осуществляли доходную деятельность без статуса индивидуального предпринимателя и не исполняли конституционной обязанности уплаты налогов. Ныне с точки зрения соблюдения налоговых обязанностей таким гражданам создаются благоприятные условия деятельности — льготные налоговые ставки 4% либо 6%. Привлекательный режим деятельности подкрепляется различными стимулами, в том числе созданием и внедрением простого и ясного алгоритма регистрации и отчисления налогов. Указанный аспект опосредован следующей функцией legaltech.

Legaltech выступает также инструментом правового регулирования экономической деятельности, выражающемся в упрощенной государственной регистрации субъектов экономической деятельности. Особенно это затрагивает деятельность самозанятых граждан. Упрощенная регистрация является продуктом и инструментом цифровой трансформации права.

Кроме того, legaltech выступает инструментом государственного контроля в правовом регулировании экономической деятельности. Упрощенный и автоматизированный механизм, основанный на искусственном интеллекте и больших данных, позволяет повысить действенность государственного контроля. Это, в свою очередь, несет смысл «стимулирования правомерного поведения» налогоплательщиков — субъектов экономической деятельности, в частности, физических лиц. По словам С.А. Агамагомедовой, исследующей аксиологические аспекты государственного контроля, контрольно-надзорные механизмы обладают «потенциальной способностью стимулирования подконтрольной деятельности... Речь идет об уровне взаимодействия лиц и организаций с государственной властью, когда по его результатам субъекты управляемой сферы мотивированы в развитии своей деятельности, они получают стимул на определенное отношение к охраняемым законом ценностям, и, в конечном итоге, правомерное поведение становится выгодным и комфортным для них» [Агамагомедова С.А., 2021: 48]. Применительно к аспекту государственного контроля можно полагать, что legaltech играет незаменимую роль и обладает большим потенциалом, но при условии безопасного использования Big data субъектов экономических отношений.

Таким образом, legaltech — современное цифровое инструментальное средство правового регулирования экономической деятельности, опосредованное взаимоотношениями между субъектами и государственными (муниципальными) органами в вопросах правовой грамотности граждан, регистрации их деятельности, сдачи отчетности и уплаты налогов, а также государственного контроля.

Понимание смысла и значения legaltech выражается в его цифровых средствах: электронный (цифровой) документооборот, автоматизированный механизм регистрации субъектов, обработки отчетности и заявлений. С их помощью legaltech повышает качество оказания государственных и муниципальных услуг, выявления нарушений и применения мер контроля.

С точки зрения частных и публичных интересов в процессе правового регулирования экономической деятельности очевидно, что legaltech призван развивать институты, служащие интересам всех субъектов права, участвующих в экономических процессах. Например, частные интересы удовлетворяются посредством таких функций legaltech, как информированность (правовая грамотность) субъектов, мотивационные механизмы по исполнению обязанностей в рамках отдельных правовых режимов экономической деятельности, снижение материальных и трудовых издержек, а также цифровые договорные формы взаимодействия. Публичные интересы удовлетворяются посредством таких функций legaltech, как автоматизированность государственной регистрации субъектов экономической деятельности, сдаче отчетности о их деятельности, прозрачность осуществления контроля.

Заключение

Цифровая экономика – хозяйственная деятельность субъектов с использованием цифровых (электронных способов и средств (технологий) производства, обмена, потребления, реализации материальных и нематериальных (в том числе цифровых) объектов и ресурсов на основе цифровых данных (информации) и в цифровом пространстве (цифровые электронные платформы, сервисы), с помощью цифровых средств правового регулирования экономических отношений. Это система элементов, одним из которых является совокупность цифровых информационных технологий, основанных на искусственном интеллекте и больших данных. Для целей правового регулирования цифровой экономики выделяются инструменты legaltech (правовые/законные технологии). Распространенной позицией ученых и практиков является понимание legaltech как узкоспециализированного правового инструментария юристов-профессионалов. Одновременно аргументируется расширительное толкование legaltech как правового инструментария широкого круга пользователей — субъектов экономических отношений.

Среди тенденций и рисков, связанных с внедрением и использованием legaltech выделяются следующие. Распространение искусственного интеллекта способствует замене юристов-профессионалов роботами

в некоторых рутинных процессах. При этом появляются новые ниши, основанные на информационных технологиях; существует потенциал развития машиночитаемого права при условии предварительной «инвентаризации» и адаптирования правового понятийного аппарата; очевидна необходимость в создании норм «платформенного права» в целях правового регулирования экономической деятельности.

В качестве основного риска использования legaltech выделяется масштабное использование больших данных, которое провоцирует вторжение в частную сферу граждан и несанкционированное использование данных. Незащищенность в цифровой среде снижает активность использования ресурсов legaltech.

Из исследования ресурсов legaltech, применяемых в различных сферах экономической деятельности как частного, так и публичного характера, следует вывод: legaltech — это элемент цифровой экономики, служащий широкому кругу субъектов экономических отношений. Это современное цифровое инструментальное средство правового регулирования экономической деятельности, в том числе экономической деятельности граждан, опосредованное отношениями субъектов и государственных (муниципальных) органов. В данном аспекте на основе классического понимания правовых средств в механизме правового регулирования, с точки зрения инструментально-правового подхода legaltech по отношению к субъектам экономической деятельности выступает в следующих ипостасях, в частности, как:

- ресурс повышения правовой и информационной грамотности;
- фактор информационно-правового воздействия, оказывающего влияние на выбор правового режима экономической деятельности;
- стимулятор исполнения договорных обязательств, налоговых обязанностей и в целом правомерного поведения;
- средство государственного контроля за деятельностью субъектов экономической деятельности.

Список источников

1. Абрамов В.Ю. Цифровое право: практика применения электронного документооборота в различных сферах общественных коммуникаций: практическое пособие. М.: Статут, 2022. 168 с.
2. Агамагомедова С.А. Аксиологические аспекты государственного контроля и надзора // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 37–61.
3. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
4. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 86–94.

5. Афанасьев С.Ф. К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 46–49.
6. Баймуратова Л.Р., Долгова О.А. и др. Цифровая грамотность для экономики будущего. М.: НАФИ, 2018. 86 с.
7. Берг Л.Н. Теория правового воздействия. М.: Статут, 2021. 309 с.
8. Быков А.Ю. Цифровая экономика и исторические хозяйственные уклады России. М.: Проспект, 2021. 100 с.
9. Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.
10. Гвоздецкий Д.С. Legal Tech и ведомственное нормотворчество: перспективы // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 33–35.
11. Губин Е.П. Экономическая деятельность, экономические права и их защита в контексте соотношения права и экономики // Предпринимательское право. 2021. № 31. С. 3–10.
12. Еремеев С.Г., Майоров А.В., Минченков Е.Н. О юридическом концепте направления Legaltech: перспективы становления и развития // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 2. С. 9–18.
13. Казачкова З.М., Илюшина М.Н., Козлова Е.Б. и др. Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года. М.: Проспект, 2021. 208 с.
14. Косов М.Е. Рынок LegalTech: обзор и перспективы развития // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 2. С. 19–29.
15. Макгиннис Д., Пирс Р. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. № 2. С. 1230–1250.
16. Минбалеев А.В. и др. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (Legaltech). М.: Проспект, 2022. 368 с.
17. Митин А.Н. О процессах внедрения в юриспруденцию новых информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 82–86.
18. Носов С.И. Право и информатизация // Юрист. 2019. № 4. С. 6–13.
19. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231–236.
20. Пронин А., Вашкевич А. и др. Legaltech и юристы будущего // Закон. 2017. № 11. С. 20–36.
21. Рожкова М.А., Исаева О.В. и др. Legaltech, Fintech, Regtech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности. М.: Статут, 2021. 310 с.
22. Семякин М.Н. Гражданско-правовой договор в сфере цифровой экономики: теоретический и практический аспекты исследования // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2020. № 1. С. 98–114.
23. Серова О.А. Право и цифровая экономика: проблемы определения цели правового регулирования и поиска эффективных правовых механизмов / Предпринимательское право: современный взгляд / отв. ред. С.А. Карелина. М.: Юстицинформ, 2019. С. 352–360.

24. Степанов О.А. Правовое воздействие на развитие цифровой среды в обществе. М.: Проспект, 2021. 88 с.
25. Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В. Право как фактор экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 4–26.
26. Тихомиров Ю.А. и др. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.
27. Уваров А.А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 5–11.
28. Харитоновна Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524–549.
29. Чураков В.Д. Актуальные вопросы применения информационных технологий в юридической науке и практике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 101–113.
30. Alcantar K., Gillespie K. Customer-Centric Legal Tech. *GPScolo*, 2019, vol. 36, no. 1, pp. 48–51.
31. Ambrogi R. A Golden Age of Legal Tech Start-Ups. *Law Practice: The Business of Practicing Law*, 2017, vol. 43, no. 2, pp. 34–40.
32. Byrne M. Real estate report 2019: The firm spending \$8m on lawtech is.... *Lawyer*, 2019, vol. 3, no. 7, p. 1.
33. Davis J. 10 Questions: Magician-turned-lawyer helps make legal problems disappear. *ABA Journal*, 2019, vol. 105, no. 5, pp. 1.
34. Katsuya Endo S. Ad Tech & the Future of Legal Ethics. *Alabama Law Review*, 2021, no. 1, pp. 107–157.
35. Navas S. The Provision of Legal Services to Consumers Using LawTech Tools: From “Service” to “Legal Product. *Open Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 7, no.11, pp. 79–103.
36. Schneider M. «Legal Tech» — digitalisierte Rechtsdienstleistungen als Chance und Herausforderung für den öffentlichen und privaten Sektor. *Ausbildung · Prüfung · Fachpraxis*, 2020, vol. I, no. 11/12, pp. 297–302.
37. Shah H., Srivastava A. Signature Provisions in the Amended Indian Information Technology Act 2000: Legislative Chaos. *Common Law World Review*, 2014, vol. 43, no. 3, pp. 208–230.

References

1. Abramov V.Yu. (2022) Digital law: using electronic document management in public communications: a practical guide. Moscow: Statute, 168 p. (in Russ.)
2. Afanasyev S.F. (2020) Legislative regulation of artificial intelligence. *Rossiyskaya justitcia*=Russian justice, no. 7, pp. 46–49 (in Russ.)
3. Agamagomedova S.A. (2021) Axiological aspects of state control and supervision. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 1, pp. 37–61 (in Russ.)
4. Alcantar K., Gillespie K. (2019) Customer-Centric Legal Tech. *GPScolo*, vol. 36, no. 1, pp. 48–51.
5. Alekseev S.S. (1995) Theory of law. Moscow: BEK, 320 p. (in Russ.)

6. Altukhov A.V., Kashkin S.Yu. (2021) Legal nature of digital platforms in Russian and foreign doctrine. *Aktualnye voprosy rossiyskogo prava*=Actual issues of Russian Law, no. 7, pp. 86–94 (in Russ.)
7. Ambrogi R. (2017) A golden age of legal tech start-ups. *Law Practice: The Business of Practicing Law*, vol. 43, no. 2, pp. 34–40.
8. Baymuratova L. R., Dolgova O. A. et al. (2018) Digital literacy for the economy of the future. Moscow: NAFL, 86 p. (in Russ.)
9. Berg L.N. (2021) *Theory of legal impact*. Moscow: Statute, 309 p. (in Russ.)
10. Bykov A. Yu. (2021) *Digital economy and traditional economy of Russia*. Moscow: Prospekt, 100 p. (in Russ.)
11. Byrne M. (2019) Real estate report 2019: The firm spending \$8m on lawtech is... *Lawyer*, vol. 3, no. 7, p. 1.
12. Churakov V.D. (2020) Using information technologies in legal science and practice. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravitelnogo pravovedeniya*=Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence, no. 1, pp. 101–113 (in Russ.)
13. Davis J. (2019) 10 Questions: Magician-turned-lawyer helps make legal problem disappear. *ABA Journal*, vol. 105, no. 5, p. 1.
14. Ereemeev S.G., Mayorov A.V., Minchenkov E.N. (2019) Legal concept of the Legaltech direction: prospects of development. *Leningradskiy juridicheskiy zhurnal*=Leningrad Law Journal, no. 2, pp. 9–18 (in Russ.)
15. Gubin E.P. (2021) Economic activity, economic rights and their protection in the context of the relationship between law and economics. *Predprinimatelskoe pravo*=Entrepreneurial Law, no. 31, pp. 3–10 (in Russ.)
16. Gvozdetsky D.S. (2020) Legal Tech and departmental rulemaking. *Obrazovanie. Nauka. Personal*=Education. Science. Personnel, no. 4, pp. 33–35 (in Russ.)
17. Kazachkova Z.M., Ilyushina M.N. et al. (2021) Legal support for national projects of development until 2030. Moscow: Prospekt, 208 p. (in Russ.)
18. Katsuya Endo S. (2021) Ad Tech & the Future of Legal Ethics. *Alabama Law Review*, no. 1, pp. 107–157.
19. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. (2020) Artificial Intelligence technology and Law. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta*=Bulletin of Perm State University, no. 49, pp. 524–549 (in Russ.)
20. Kosov M.E. (2019) LegalTech market: overview and development prospects. *Mezhdunaridnyi zhurnal grazhdanskogo i kommercheskogo prava*=International Journal of Civil and Commercial Law, no. 2, pp. 19–29 (in Russ.)
21. McGinnis D., Pierce R. (2019) The great explosion: how artificial intelligence is changing the role of lawyers in providing legal services. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*=Actual Issues of Economics and Law, no. 2, pp. 1230–1250 (in Russ.)
22. Minbaleev A.V. et al. (2022) Information and technological support of legal activity (Legaltech): textbook. Moscow: Prospekt, 368 p. (in Russ.)
23. Mitin A.N. (2019) Processes of introduction of new information technologies into jurisprudence. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*=Russian law: education, practice, science, no. 3, pp. 82–86 (in Russ.)
24. Navas S. (2019) The Provision of Legal Services to Consumers Using Law Tech Tools: From “Service” to “Legal Product. *Open Journal of Social Sciences*, no.11, pp. 79–103.

25. Nosov S.I. (2019) Law and informatization. *Jurist=Lawyer*, no. 4, pp. 6–13 (in Russ.)
26. Ponkin I.V. (2021) Concept of machine-readable law. *Yuridicheskaya tekhnika=Legal Technique*, no. 15, pp. 231–236 (in Russ.)
27. Pronin A., Vashkevich A. et al. (2017) Legaltech and lawyers of the future. *Zakon=Law*, no. 11, pp. 20–36 (in Russ.)
28. Rozhkova M.A., Isaeva O.V. et al. (2021) Legaltech, Fintech, Regtech etc.: legal aspects of using digital technologies in commerce. Moscow: Statut, 310 p. (in Russ.)
29. Semyakin M.N. (2020) Civil law contract in the field of digital economy: theoretical and practical aspects of research. *Ekonomicheskoye pravosudie v Uralskom regione=Economic Justice in the Ural Area*, no. 1, pp. 98–114 (in Russ.)
30. Serova O.A. (2019) Law and the digital economy: determining purpose of legal regulation and search for legal mechanisms. In: *Entrepreneurial law: a modern view*. S.A. Karelina (ed.). Moscow: Justitsinform, 600 p. (in Russ.)
31. Shah H., Srivastava A. (2014) Signature provisions in the amended Indian Information Technology Act 2000: legislative chaos. *Common Law World Review*, vol. 43, no. 3, pp. 208–230.
32. Schneider M.W. (2020) «Legal Tech» — digitalisierte Rechtsdienstleistungen als Chance und Herausforderung für den öffentlichen und privaten Sektor. *apf — Ausbildung · Prüfung · Fachpraxis*, vol. I, no. 11/12, pp. 297–302.
33. Stepanov O.A. (2021) Legal impact on the development of the digital environment in society. Moscow: Prospect, 88 p. (in Russ.)
34. Tikhomirov Yu.A., Talapina E.V. (2020) Law as an effective factor of economic development. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki=Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1, pp. 4–26 (in Russ.)
35. Tikhomirov Yu.A. et al. (2021) Law and digital transformation. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki=Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 2, pp. 4–23 (in Russ.)
36. Uvarov A.A. (2020) Using digital technologies in the realization of citizens' rights and freedoms. *Pravo i cifrovaya ekonomika=Law and Digital Economy*, no. 2, pp. 5–11 (in Russ.)
37. Vaipan V.A. (2019) Legal regulation of the digital economy: history, theory, practice. In: *Legal regulation of economic relations in digital economy development*. Moscow: Justicinform, 376 p. (in Russ.)

Информация об авторе:

Н.Е. Савенко — доцент, кандидат юридических наук.

Information about the author:

N.E. Savenko — Associate Professor, Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted to the editorial office 08.08.2022; approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 30.11.2022.